
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XI

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 130-летию со дня рождения А. В. Бурдукова (1883—1943)

St. Petersburg
2013

И. Ф. Попова

Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен

В статье представлен краткий обзор истории торговли России и Китая через приграничные пункты Кяхту и Маймайчен. На основании архивных и важных печатных материалов показаны основные этапы зарождения, развития и упадка кяхтинского торгового дела, занимавшего вплоть до середины XIX в. значительную часть внешнего товарооборота России. В период расцвета кяхтинской торговли стоимость товарных оборотов исчислялась десятками миллионов рублей. Через Кяхту в Китай вывозились пушнина, сукна, кожи, из Китая же — главным образом чай. Здесь начинался так называемый «чайный путь»: около века именно Кяхта снабжала чаем всю Россию и почти монополично — Западную Европу.

Ключевые слова: русско-китайские отношения, Кяхта, Маймайчен, кяхтинский торг.

О кяхтинской торговле существует довольно обширная литература в виде газетных и журнальных заметок, обзоров торговых экспертов, разделов монографий и подробных исследовательских статей, касающихся того или иного этапа ее развития (см., например: [Силин, 1947; Сладковский, 1974; Хохлов, 1982; 1989]).

Основание Кяхты¹ в 1727 г. относится к периоду русско-китайских отношений, когда перед Российской и Цинской империями встал вопрос о новом размежевании земель, связанном с присоединением к Китаю Халхи (Северной Монголии). В августе 1725 г. для переговоров об уточнении границы между двумя государствами правительство Российской Империи направило в Пекин чрезвычайного посланника и полномочного министра Савву Лукича Владиславича-Рагузинского (1669—1738). Долгие и непростые переговоры завершились 20 августа 1727 г. заключением на границе, на р. Бурее (в 10 верстах от Кяхты), «Буринского трактата об определении границ между Россией и Китаем», в котором говорилось, в частности, следующее: «С северной стороны на речке Кяхте караульное строение Российской империи. С полуденной стороны на сошке Орогайте караульный знак Срединной империи. Между теми караулом и маяком землю разделить пополам. На середине первый знак разграничения поставить. И тут имеет обеих стран пограничное купечество быть» [Русско-китайские отношения, 1958. С. 11].

В связи с этим в день Святой Троицы летом 1727 г. на р. Кяхте в 4 верстах от границы на месте Барсуковского зимовья, где находился последний

русский караул, С. Л. Рагузинским была заложена крепость, получившая впоследствии название Троицкосавской. Строительство велось ротой солдат под командованием капитана Федора Княгинкина, прибывшего из Стрелки на р. Чикой в Барсуковское зимовье в начале июля 1727 г. Согласно плану, подготовленному геодезистом А. И. Кушелевым, крепость должна была иметь прямоугольную форму размером 107×60 м. С трех сторон, исключая прибрежную, ее предполагалось оградить палисадом, рвом и рогатками, а в двух башнях по углам устроить казарму для содержания арестантов и склад. Внутри укрепления должна была находиться Троицкая церковь с приделом Саввы Сербского, таможня, дом для офицеров, дом для священника, конюшня и солдатские казармы. За пределами укреплений располагались кузница, баня и мельницы. Пятеро первых русских купцов на 25 подводках прибыли в Троицкосавскую крепость в ноябре 1727 г. [Артемьев, 1999. С. 89].

Буринский трактат подготовил почву для более просторного договора, определившего порядок дипломатических отношений между Россией и Китаем через Сенат и китайскую Палату внешних сношений (Лифаньюань 理藩院), восстановившего караванную торговлю в Пекине и закрепившего существование в Китае Русской духовной православной миссии. Обмен подписанными экземплярами этого договора состоялся 14 июня 1728 г. на р. Кяхта. Согласно четвертому пункту трактата, получившему название «Кяхтинский», надлежало раз в три года посылать в Пекин торговые караваны, а на границе постоянно осуществлять торговлю через Цурухайту (в 300 верстах от Нерчинска) и Кяхту, «где построятся дома и огородаются оградой или палисадом» [Трусевич, 1882. С. 45].

¹ «Место, заросшее пыреем», от монг. слова *хиаг* — «пырей». В русских документах начала XVIII в. встречается также наименование Тяхта [Вторая Камчатская экспедиция, 2013. С. 52, 121].

Вскоре после заключения Кяхтинского трактата С. Л. Рагузинский стал готовиться к отъезду, в связи с чем он составил подробную инструкцию «остерегателью Троицкой крепостцы» капитану Федору Княгинкину и его помощнику «надзорщику торговой слободы и судье малых дел пограничных» Алексею Третьякову с предписанием достроить Троицкую крепость, а также возвести ниже по течению р. Кяхты в 3 верстах к северу от крепости в месте, уже определенном С. Л. Рагузинским, торговую слободу согласно данному им же чертежу. По плану и инструкции С. Л. Рагузинского укрепления слободы должны были состоять из палисада со рвом и иметь форму квадрата со сторонами 213×213 м. По углам слободы планировалось возвести бастионы со стороной 6,4 м. В центре стен, перпендикулярных реке, должны были находиться ворота, а в береговой стене — двое ворот. Внутри крепости надлежало возвести жилые избы, помещение таможи, амбар, тюрьму и гостинный двор [Сычевский, 1875. С. 37—47; Артемьев, 1999. С. 89—90].

Строительство слободы было в основном завершено к концу 1728 г. Гостинный двор с 24 лавками и 24 амбарами над ними представлял собой прямоугольное сооружение с глухими наружными стенами и воротами с северной и южной сторон. 32 купеческие избы были расположены по периметру стен гостинного двора. Первый торг здесь состоялся 25 августа 1728 г., когда из Пекина возвратился русский торговый караван. Оставшиеся от продажи в Пекине меха, в том числе шкурки камчатского бобра, рыси, соболя, были променяны китайским купцам. Всего в торге приняли участие 10 русских и 4 китайских купца. В 1729 г. полковник Иван Дмитриевич Бухгольц, осуществлявший после отъезда Рагузинского руководство пограничными делами, официально сообщил Коллегии иностранных дел об открытии торга с китайцами в Кяхте.

В 1730 г. против Кяхты, приблизительно в 60 саженях от нее, началось строительство китайского торгового городка, в котором обосновались торговцы, прибывшие в основном из провинции Шаньси 山西. Выходцы из этой провинции славились особым талантом к торговле, для них существовало особое название *цзиньшан* 晉 («торговцы из местности Цзинь», где 晉 Цзинь — название царства, существовавшего в древности на территории Шаньси). Купцов, ведущих дела на границе, в Китае именовали *люймэншан* 旅蒙商 («торговцы, временно проживающие в Монголии») или же *бяньшан* 邊商, *бянькэ* 邊客 («приграничные торговцы»). Существовало и особое название артелей таких купцов: *бяньхан* 邊行 («приграничные артели»). Выходцы из Шаньси издавна вели торговлю с монголами, выменивая у них скот и шерсть на рис, муку, соль, уголь, водку, кирпичный чай, простую ткань, предметы широкого потребления [Темоле, 2009. С. 5].

Имена первых китайских маймайченских купцов хранит колокол, в настоящее время представленный в экспозиции Кяхтинского краеведческого музея

им. В. А. Обручева. Колокол был отлит в 8-й год правления под девизом Цянь-лун (1743) для маймайченской кумирни Лаомяо 老爺廟 по заказу выходцев из уезда Фэньян 汾陽縣 области Фэньчжоу 汾州府 провинции Шаньси: Вань Лун-пу 萬隆鋪, Ма Вань-луна 馬萬龍, Ван Го-цзя 王國宰, Чжан Юаня 張元, кузнеца 金火匠人 (?) Шэня 申, Жэнь Ши-луна 任世龍, Го Ши-луна 郭世龍, Ван Вэнь-цюаня 王文全, Хань Ина 韓瑛, Ли Цунь-хуна 李存洪, Ли Мин-сина 李明星, Чжао Лэ-жэня 趙可仁 и Тянь Дэ-юаня 田得元.

Первоначально китайское поселение не имело собственного названия. Русские именовали его Китайской слободой или Наймачином, от монг. *Наймаачин* («торговая слобода»), что происходило от китайского нарицательного *маймайчэн* («торговое место»). Монголы дали поселку название Дай-Оерго («Богатое место»), а маньчжурские — Хадалчин [Паллас, 1788. С. 155]. Посетивший Кяхту в 1805—1806 гг. Ю. Г. Клапрот упоминает, что на пограничном маяке перед китайской слободой было написано название слободы — Майичу 買易處 («Место купли и мены»), а также по-маньчжурски — Худайба («Торговое место») [Клапрот, 1816. С. 101]. По-китайски городок именовался Маймайчжэнь 買賣鎮, или Маймайчен 買賣城 («Торговый городок») ² [Klaproth, 1824. С. 63]. Последнее название позже окончательно закрепилось за слободой и вошло в историю.

Одно из наиболее ранних описаний Маймайчена, относящееся к середине 70-х гг. XVIII в., было обнаружено А. Н. Хохловым в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН: «От сей [Кяхтинской] слободы в полуверсте находятся китайские Найматчины, они обнесены вокруг деревянною стеною и укреплены земляным рвом, в них три улицы большие, называемые верхняя, средняя и нижняя (та, которая лежит близ берегу реки Кяхты), и четвертая — поперечная; китайских юрт, или мазанок глиняных, по примерному счислению будет до 350, три кумирни, пятеро ворот; людей их, т. е. китайских купцов, служителей и работников, также и мунгал, которые находятся для караулу, бывает не поровну, однако ж по примечаниям казалось, собирается иногда около тысячи человек и больше» [Хохлов, 1982. С. 106]. Позже описание Маймайчена неоднократно было представлено в записках побывавших здесь русских путешественников ³.

² «Часто пишут другой иероглиф в этом слове 城, — поясняет Г. Ю. Клапрот, — что означает место, огороженное стеной или частоколом» [Klaproth, 1824. С. 63].

³ Одно из наиболее поздних описаний приведено в книге Г. М. Осокина «На границе Монголии» (1906): «Торговая часть города представляет правильный четырехугольник, прорезанный тремя главными узкими улицами и одной поперечной. Вся эта часть города обнесена невысокой кирпичной стеной с воротами, запирающимися со стороны Кяхты на всю ночь. Улицы настолько узки, что два экипажа едва могут разъехаться. Фасада домов в улице не существует, или же они ничем не отличаются от стен, какие идут во всю длину улиц. Выделяются только

Всей полнотой власти в Маймайчене обладал дзаргучей (монг. *дзаргучи* — ‘судейский чиновник’), «пограничный судья китайский», как уточнил Тимковский, чином шестого класса, назначаемый Лифаньюанем и сменяемый раз в три года. «В Маймайчене власть его почти неограниченная: саргучей судит все дела и все преступления, исключая те, кои влекут за собою смертную казнь. В сих случаях посылают донесение в Ургу» [Тимковский, 1824. Т. 1. С. 14]. Резиденция дзаргучея была расположена в южной части Маймайчена. В помощь дзаргучею давался низший чиновник, как правило, из маньчжуров, называемый *боиха*, или, по-русски, ‘комиссар’ [Клапрот, 1816. С. 131]. Охрану в Маймайчене вел караул из 50—100 конных пограничных монголов [Мартынов, 1819. С. 61].

Дальнейшее расширение и строительство в Кяхте и Маймайчене было связано со стремительным развитием приграничной торговли. За период с 1 октября 1729 г. по 1 января 1730 г. через Троицкую крепость и Кяхтинскую слободу проехали 453 человека с товарами на 630 лошадях и двух верблюдах [Хохлов, 1982. С. 105]. Неуклонный рост объема торговли наблюдался и в последующие годы. В 1736—1740 гг. в Кяхту ежегодно доставлялось русских товаров в среднем 1430 телег и 96 саней, китайских — 806 телег и 37 саней. В 1741—1745 гг. количество русских товаров составило 1200 телег, китайских — 944 [Хохлов, 1982. С. 107].

В этот период кяхтинское купечество неоднократно направляло в адрес иркутского губернатора жалобы на тесноту, что заставило власти принять меры по строительству новых жилых домов и складских помещений. В расширившихся пределах Троицкая крепость и Кяхтинская слобода были представлены на плане, снятом в апреле 1735 г. сотрудниками академического отряда Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллера (1705—1783). Согласно этому плану, крепость имела форму прямоугольника размером 192×128 м и была расположена по обоим берегам р. Кяхты. По углам крепости находились бастионы, во внутренней части располагались Троицкая церковь, офицерские и солдатские казармы, хлебные амбары и склад артиллерийских припасов. С южной стороны крепости р. Кяхта была перегорожена плотиной, в результате чего внутри нее образовался пруд. Севернее крепости располагались офицерские и солдатские казармы, южнее — огороды [Артемьев, 1999. С. 90].

входные ворота, обыкновенно украшенные резьбой, орнаментами и выкрашенные в яркие цвета. Вход в жилище со двора; дворы очень невелики и обыкновенно выстланы деревом, а у богатых и покрыты. Из построек Маймайчена по оригинальности выделяются башни над входными воротами, окрашенные в яркую красную краску с массой всевозможной резьбы. Особенно капитальных больших построек в Маймайчене почти нет. Выделяются только несколько кумирен, из которых одна в самом городе и две за стенами его» [Осокин, 1906. С. 35].

В 1743 г. указом Сената Кяхте был присвоен статус торговой слободы, и она стала первым постоянным пограничным пунктом для торговли России с Китаем. Помимо кяхтинского, небольшой по объему торг осуществлялся через Цурухайту, а также Чугучак и Кульджу. Немаловажное значение для развития Кяхты имело разрешение Сената селиться в Кяхте людям, «не положенным в подушный оклад, если они не беглые крестьяне или солдаты», с освобождением на несколько лет от уплаты податей и рекрутского набора [Артемьев, 1999. С. 91]. В марте 1761 г. священник Дорофей Шергин, состоявший при Троицкой церкви, представил в Иркутск ведомость, согласно которой в его приходе числилось 327 человек (186 мужчин и 141 женщина) [Хохлов, 1982. С. 105].

Установленная Кяхтинским трактатом караванная торговля в Пекине довольно быстро сошла на нет из-за ограничений со стороны цинских властей, и 16-й казенный караван 1758 г., возглавляемый Антоном Владыкиным, оказался последним. В 1762 г. российским правительством была отменена государственная монополия на торговлю с Китаем. Это способствовало укреплению российско-китайских торговых связей через Кяхту, хотя в этот период они также получили немало разных осложнений, происходивших в основном из-за взаимных мелких нарушений пограничного режима. Только за период с 1744 по 1792 г. цинские власти десять раз приостанавливали приграничную торговлю: в 1744 г. (на 17 дней), в 1747 г. (на один месяц и семь дней), в 1759 г. (на 11 дней), в 1762 г. (на шесть лет), в 1775 г. (на три дня), в 1778 г. (на два года и 13 дней), в 1785 г. (на семь лет) [Хохлов, 1989. С. 25].

Наблюдение за кяхтинской торговлей первоначально было поручено троицкосавской пограничной канцелярии («комендант-штабу офицерского ранга»), причем о наиболее важных делах надлежало докладывать в Селенгинскую пограничную канцелярию и Иркутскую губернию. Для предупреждения беспорядочного провоза по всей китайской границе была учреждена одна таможня, которая долго не имела постоянного места и переезжала несколько раз из Иркутска в Кяхту и Троицкосавск, но с 1792 г. установилась окончательно в Кяхте [Жорсак, 1857. С. 53].

Развитие пограничной торговли потребовало изменения административного устройства ряда населенных пунктов, лежавших на р. Селенге — главной артерии, по которой шли товары от Кяхты до Байкала. Во второй половине XVIII в. расположенные вдоль реки Селенгинский, Удинский, Ильинский и Кабанский остроги, как и сама Кяхта, стали поселениями городского типа и обрели административное устройство по правилам городского управления, введенного Петром Первым. Органом такого управления в Кяхте стала «земская изба», в которой состояли: от купцов — староста, от цеховых (ремесленников) — альдерман (старшина), а также 10 ходоков, четыре сборщика налогов и один сторож. Цеховые помимо альдермана выбирали также на своих собраниях для «полицейских дел» десятских и

сотских [Силин, 1947. С. 91]. Позже заведование и наблюдение за торговлей кяхтинского купечества перешло к так называемым компаньонам. Троицкосавск же приобрел статус города лишь в 1805 г., в нем появилось 13 чиновников. Такое наименьшее для сибирских городов количество администрации было связано с отсутствием уезда.

В 1772 г. Кяхту посетил Петер Симон Паллас (1741—1811). В своих записках он отметил, что Троицкосавская крепость со всех сторон обнесена палисадником с четырьмя бастionsами по углам, в ней имеется трое ворот — одни на север на селенгинскую сторону, другие на юг к китайскому городку, а третьи на запад на реку Кяхту и находящееся там предградие. По селенгинской дороге находится также несколько дворов перед крепостью и так называемый «ревенной» дом. «В крепости изрядная деревянная церковь с хорошими курантами; пространный гостиный двор, в коем до 60 лавок считается; но по новому плану велено его выстроить каменный, для чего уже давно внутри под часовню фундамент заложен, однако далее еще по повелению ничего не построено; сверх того комендантский дом, бывший пошлинный двор, старая гауптвахта, вместо которой ныне при китайских воротах новая построена, некоторое число казарм и других казенных домов, кои наиболее зажиточным купцам для житья отдаются, и другие потребные для поклажи и запасов амбары. Предместье, или слобода, огорожено частоколом и содержит в себе не более ста двадцати дворов, кои построены весьма беспорядочно, и имеет одни ворота также с караулом» [Паллас, 1788. С. 149—150].

П.-С. Паллас привел также весьма подробное описание китайской торговой слободы, которое является одним из наиболее ранних опубликованных в печати. В Маймайчене, как отметил П.-С. Паллас, было не более двухсот тесно построенных дворов. Вокруг слободы особых укреплений не было, но был дощатый забор и небольшой вал в полтора аршина шириной. Просторные дворы подле домов были усыпаны щебнем, на улицу выходили небольшие красные ворота с калиткой или без, рядом с воротами были построены амбары для товаров с дверьми во двор. Остальное место во дворах было занято жилыми помещениями, чуланами и кухней. Все помещения были сооружены из дерева или из фашичника с глиной и выбелены известкой. На стенах, выходящих на улицу, вывешивались «для пробы» образцы всех продаваемых товаров. Крыши домов были ровные, выступавшие вперед и укрепленные на столбах, по большей части изготовленные из досок, а у простых домов из жердей, и покрытые дерном или мхом. Окна были большие, на европейский манер, в редких случаях в окна жилых строений, выходящих на улицу, вставлялось стекло или слюда, по большей же части их заклеивали бумагой. Оконная бумага украшалась рисунками, пол в помещениях устраивался из глины, смешанной со щебнем, стены были обиты бумажными обоями. Большую часть помещений за-

нимали подмощенные лавки из кирпича с четырехугольными печками (каны). Из мебели в комнатах были шкафы с бумажными от пыли дверцами и по два лакированных столика, на которых стояли конфорки с горящими углями для прикуривания табачных трубок. Кроме того, во всех помещениях находился киот с «чисто намалеванными образами», перед которыми в праздники зажигали свечи и лампы. «Китайцы, — свидетельствует П. С. Паллас, — открывают сторонним также людям у образов завесы и смотреть ничего не запрещают» [Паллас, 1788. С. 157—159].

Главный храм Маймайчена находился в центре слободы на перекрестке средней и поперечной улиц и был посвящен Богу Неба (*Тяньди* 天帝). Под этим двухъярусным храмом был устроен сквозной проход, крыша первого яруса была четырехугольная, второго — восьмиугольная. По-китайски башня именовалась *Чжун лоу* (鍾樓, 'Колокольня'), по углам наверху ее помещалось восемь колоколов, сконструированных так, чтобы издавать звон при порывах ветра. Внутри храма помещалась статуя Конфуция, перед которой висела железная лампада около 20 пудов весом [Силин, 1947. С. 103].

П. С. Паллас приводит описание и другого храма, стоящего у южных ворот перед домом дзургучея. В соответствии с его данными, явно полученными от монголов, главным изваянием в храме является богато украшенная статуя Гесэра, перед которой помещались «на маленьких табуретах» лук и стрелы, алтарь, а по бокам — изображения его «славнейших советников и военачальников». Кроме этих статуй, по сторонам от главного изваяния помещались по два божка, «все сидя, хотя и менее Гессыра, однако-таки нарочитой вышины». Справа находились изображения грозного божества Ваджрапани и Белого Дзамбалы, а слева — изображения Голд-Тенгри и Ямантака. Рядом с этим храмом находилась театральная сцена, служившая для представлений в праздничные дни. Потолки и стены храмов, так же как и помещений фуз в Маймайчене, были расписаны красками. Помимо двух этих храмов, в Маймайчене была еще небольшая мечеть, которая располагалась рядом с бухарской казармой в юго-западном углу китайской слободы [Паллас, 1788. С. 165—169].

Подробное описание Кяхты и Маймайчена, включая храмы китайской торговой слободы, оставили в своих записках художник Андрей Ефимович Мартынов (1768—1826) [Мартынов, 1819. С. 55—64] и знаменитый лингвист Юлиус Генрих Клапрот (1783—1835) [Клапрот, 1816. Ч. 41. С. 81—104; Ч. 42. С. 121—135], прибывшие на российско-китайскую границу в составе посольства Ю. А. Головкина в 1805 г.

Ю.-Г. Клапрот поясняет, что под именем Гесэра монголы, которые не посещают расположенный в Маймайчене храм, подразумевают китайского легендарного полководца Гуань Юя 關羽, жившего в период Троецарствия. Впервые этот герой был канонизирован в XII в. при династии Сун за военные

подвиги и моральные добродетели как *Чжунхуй-гун* 忠惠公 ('Князь верный и милосердный'), при династии Цин в 1652 г. ему был присвоен посмертный титул *Чжунъи-шэнь-у Гуань-шэн-дади* 忠義神武關聖大帝 ('Верный, справедливый, украшенный воинскими доблестями великий император Гуаньшэн'), и в 1736 г. он был канонизирован как *Шаньси-Гуань-фуцзы* 山西關夫子 ('Шаньсийский муж Гуань'). Перед входом в храм находился покрытый шелками жертвенник, на котором помещались плоды и прочие подношения и стояла доска с надписью *Да Цин дан тай хуанди вань вань суй* 大清當太皇帝萬萬歲 ('Нынешнему Дайцинскому императору десять десятков тысяч лет') [Клапрот, 1816. С. 126—127; Klapproth, 1824. С. 67—68].

Ю.-Г. Клапрот и А. Е. Мартынов упоминают также и о ламаистском храме, стоящем в южной стороне китайской слободы и посвященном богу Хомшин-Бодди-Саддо. К югу от этих храмов на площади, имеющей сообщение с двором дзаргучея, помещался раскрашенный и покрытый лаком столб, на котором в торжественные дни поднимались флаги, а по ночам — факелы и фонари [Клапрот, 1816. С. 128—129; Мартынов, 1819. С. 61].

Ценным источником, дающим представление об устройстве Маймайчена, является китайский план из собрания Российской государственной библиотеки, содержащий иероглифические подписи рядом с изображениями важнейших построек китайской слободы. На нем представлен не упомянутый П.-С. Палласом храмовый комплекс к югу от центральных южных ворот Маймайчена под названием *Ваньшоугун* 萬壽宮 ('Храм долголетия'). В Китае впервые храм с таким названием был построен в городе Наньчане 南昌 (пров. Цзянси) в 312 г. и был посвящен даосскому наставнику Сюй Сюню 許遜 (239—374). Возможно, маймайченский храм был основан выходцами из этой местности. Впрочем, поскольку данный китайский план был составлен после 1838 г., когда было завершено строительство точно прорисованного на нем Воскресенского собора, можно предположить, что Ваньшоугун был построен после того, как П.-С. Паллас посетил Маймайчен.

В соответствии с описаниями путешественников, Маймайчен в основной своей части имел вид прямоугольника, ориентированного по сторонам света. С севера на юг его пересекали три улицы *Дунсянцзы* 東巷子 ('Восточная'), *Чжунсянцзы* 中巷子 ('Средняя'), ее называли также *Чжэньцзе* 正街 ('Прямая'), и *Сисянцзы* 西巷子 ('Западная'). Каждая из них заканчивалась воротами в северных и южных стенах поселения. *Хэньцзе* 橫街 ('Поперечная улица') тянулась с запада на восток и также заканчивалась воротами (Хуан Цзянь-хуй, 2002. С. 118). Соответственно, в Маймайчене было устроено по трое ворот с северной и южной стороны и по одним воротам в западной и восточной стенах. Перед воротами, обращенными к русской слободе, были поставлены дощатые заборы, «дабы нельзя было видеть, что происходит во внутренних частях слободы [китайской]», на каждых воротах

был изображен иероглиф *фу* ('счастье') [Мартынов, 1819. С. 59].

Между улицами располагались кварталы, в каждом из которых находились помещения восьми фуз. За пределами слободы в западном направлении вдоль реки вырос комплекс складских помещений *Синань маймай чжаньфан* 西南買賣站房 ('Юго-восточный торговый склад'), огороженный деревянной стеной. С востока, также внутри ограждения, помещались двory с огородами, отделенные от основной части слободы улицей *Дуннань маймайцзе* 東南買賣街 ('Юго-восточная торговая улица'). К юго-востоку от слободы размещался обеденный комплекс под названием *Юйнао*⁴ (в соответствии с китайским пояснением 魚腦中國請俄人飲宴所, это было место, где китайцы угощали русских едой и питьем), также огороженный деревянной стеной.

Очертания Маймайчена на китайском плане совпадают с данными карты М. В. Ладыженского 1832 г. с указанием масштаба, что позволяет определить площадь китайской торговой слободы. Судя по карте, китайская слобода занимала площадь около 125×375 м⁵.

Китайских купцов, ведущих торг в Маймайчене, отличала большая сплоченность. В торговых сношениях с русскими китайцы руководствовались секретной инструкцией, которая была составлена и вручена дзаргучею пекинскими властями. Инструкция обязывала маймайченских купцов тщательно раз узнавать о потребностях русских в том или ином китайском товаре и о цене, по которой он продавался в России, а также собирать сведения о количестве привозимых в Кяхту товаров. Инструкция предусматривала целый ряд хитростей: распространение слухов о росте либо уменьшении спроса в Китае на российские товары, о якобы неурожае чая, шелка, о привозе другими иностранными купцами в Кантон товаров, аналогичных российским, и пр. Для лучшей координации своих действий представители китайского купечества были обязаны являться по вечерам после закрытия ворот⁶ в дом дзаргучея для совещания [Краткий очерк... 1896. С. 30—33; Силян, 1947. С. 113]. «Вообще китайцы отличаются от всех торгующих на Кяхте народов порядком, исправностью, вкусом и остроумием. Притом они хитрее всех...» — свидетельствовал Ю.-Г. Клапрот [Клапрот, 1816. С. 124].

При массовом привозе товаров из Китая маймайченские купцы собирались вместе и на общем собрании устанавливали променные цены. Если кто-либо во время размена товаров с русскими понижал уста-

⁴ Словом *юйнао* 魚腦 или *юйнаодун* 魚腦凍 в Китае назывался вид полудрагоценного камня, который шел на изготовление высококачественных тушечниц.

⁵ Архив востоковедов ИВР РАН. Разряд 1. Оп. 3. Ед. хр. 42.

⁶ Русские купцы могли находиться на территории Маймайчена только до захода солнца, о чем возвещалось «игрою на литаврах с деревянной башни и пистолетным выстрелом» [Эрман, 1832 (14 июня)].

новленную цену, то его подвергали штрафу или иному наказанию. В то же время, по свидетельству П. Л. Шиллинга, русское купечество, со своей стороны, пытавшееся вести торг по таким же правилам, не умело «согласовать своих выгод с общею пользою». Первая попытка Российского государства создать особую компанию для производства приграничного торга с китайцами относится к 1739 г. Предложение об этом поступило от Лоренца Ланга, бывшего в ту пору иркутским губернатором. Но, поскольку желающих внести капитал в эту компанию оказалось мало, сословие кяхтинских купцов составило «само собой» шесть обществ (по образцу торговавших в Кяхте китайских фуз), или компаний, получивших названия по губерниям, к которым купцы принадлежали: московская, тульская, архангельская, вологодская, тобольская, иркутская⁷. Однако деятельность этих компаний не дала ожидаемого результата, и российское правительство 15 марта 1800 г. ввело особые «правила», согласно которым представителям русского купечества надлежало до начала торга производить досмотр российским и китайским товарам и устанавливать на них цену. Согласно этим правилам, в кяхтинском мене могли участвовать только русские купцы, иностранцам же, не вступившим в российское подданство, торговать в Кяхте запрещалось. Тогда же, в 1800 г., был принят Тариф для кяхтинской и цурухайской застав, определявший пошлины для главных российских и китайских товаров.

Первоначально приграничная торговля была лишь меновая. Предметом обмена с китайской стороны были чай, тростниковый сахар, шелк (сырец и в изделиях), бумажная материя (китайка-даба), скот; с российской — пушнина, сукна, юфть, железо и медь в изделиях, живой скот, продукты питания. На начальном этапе развития торговли в Кяхте значительную часть в российском экспорте составляли иностранные товары (в основном сукна), в 1801 г. доля транзитных товаров равнялась 54,5 % от общей стоимости товаров, вывозимых в Китай [Хохлов, 1982. С. 136].

Для проведения обмена китайский купец обычно сам отправлялся в Кяхту на меновой двор, где были выложены пробы, а затем шел к владельцу приглянувшегося ему товара и за чашкой чая договаривался о цене. После этого покупатель и продавец шли на склад, упаковывали отобранный товар и вместе отправлялись в Маймайчен, где уже русский купец выбирал нужный ему товар. Общение происходило на особом, сложившемся именно здесь пограничном языке, называемом кяхтинским или маймайченским наречием.

⁷ Шиллинг П. Л. Записка о прежнем и нынешнем положении Кяхтинской торговли — Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5—7. Н. К. Корсаков называет московскую, тульскую, тобольскую, иркутскую, казанскую компании, а также компанию арзамасских и тульских купцов [Корсаков, 1857. С. 94—95].

Деятельность китайских купцов, торговавших на границе, была обставлена множеством формальностей и ограничений. Чтобы отправиться в Маймайчен с товаром, им необходимо было за известную сумму получить от властей в Пекине подорожную (билет, *пiao* 票). В этом документе указывались фамилия и имя купца, наименование и количество взятого им товара, место рождения купца, название пункта, откуда он выехал с торговой целью. Билет требовалось предъявить военным властям в Калгане, Гуйхуачэне или в другом пункте в зависимости от выбранного маршрута. В Урге и Кяхте билет проверялся местными чиновниками Лифаньюаня. За отсутствие или утрату билета купца ожидало суровое наказание: два месяца заточения в тяжелой деревянной колодке — канге, 40 ударов бамбуковой палкой и конфискация половины товара [Хохлов, 1982. С. 118].

В Маймайчене селились только мужчины. Население состояло из купцов, наемных работников, обслуживавших торговлю, а также немногих ремесленников⁸. Помимо крупных купцов, ведущих торговлю фузами, в слободе селились и мелкие, торговавшие в розницу предметами домашнего обихода и съестными припасами. В XVIII в. члены торговых компаний делились на две группы, из которых одна вела торговлю с русскими в Кяхте, а другая ездила в Китай за товаром. Доставив товар, прибывшая группа занималась его распродажей, а первая отправлялась за новым [Силин, 1947. С. 109]. Выменянные у русских товары немедленно отправлялись в Китай, так как больших складских помещений в Маймайчене не было. Главным складочным местом, как для товаров, вывозимых из Китая, так и для русских товаров, ввозимых в Китай, был Чжанцзякоу (Калган), лежащий на пути из Пекина в Кяхту.

Меновая торговля в Кяхте осуществлялась почти круглый год, усиливалась она в зимние месяцы, когда из Китая приходили большие партии товаров. Доставка товаров из Калгана в Маймайчен осуществлялась через Монголию с сентября по июнь. Остановка перевозки летом объяснялась весьма простой причиной: главным средством доставки был двугорбый монгольский верблюд, который начинает линять

⁸ В путевых заметках многих русских путешественников приводилось описание внешности китайских купцов. Такими, например, увидел их астроном Д. Эрман: «На улицах видны были и китайские купцы в черных шелковых кафтанах и шляпах, украшенных красного шелкового кистью, покрывающею всю голову. На шляпе находится медный крючок, к коему купцы обыкновенно ничего не привязывают, потому что могут привесить одну золотую пуговицу, пуговицы же из разноцветных камней означают последнее достоинство носящих оные. В Китае купцы составляют последний класс. Чтобы защитить себя от холода, они носят род наушников, а бритая голова их бережно прикрывается шелковою шапочкой, которую носят под шляпою. Черные кудрявые волосы висят почти всегда до половины тела. Каждый имеет на правом боку кошелек с табаком и небольшую трубку» [Эрман, 1832 (13 июня)].

в конце марта и к началу июня теряет свою шерсть, в связи с чем становится слаб и неспособен к перевозке [Крит, 1862. С. 4].

До 1817 г., когда была открыта нижегородская ярмарка, китайские товары из Кяхты доставлялись в уездный город Макарьев в Костромской губернии, где реализовывались оптом на торговых ярмарках, которые проводились зимой (Крещенская), весной (Благовещенская) и летом (Ильинская). Основная масса китайских товаров отправлялась из Кяхты зимой по почтовой дороге через Селенгинск и Верхнеудинск к Байкалу, а затем к Иркутску. От Иркутска китайские товары переправляли летом по воде, а зимой на санях. Судов (дошаников), загруженных этими товарами, выходило 15—20 в год. Они доставляли товары по Ангаре или Тунгуске по течению до Енисея, а затем вверх по Енисею до Енисейска. Там их выгружали и волоком доставляли за 98 верст на реку Кеть, затем Кетью до Оби, затем Обью до устья Иртыша, где их везли против течения до Тобольска. Отсюда часть товаров отправлялась до Тюмени или Туринска, на Ирбитскую ярмарку, продолжавшуюся с начала февраля по начало марта. Основную же часть товара доставляли в Москву или в Пермь сухим путем, откуда по вскрытии воды они направлялись по Каме и Волге до Макарьевска [Радищев, 1811. С. 98—99; Корсак, 1857. С. 365].

За десятилетие с 1830 по 1839 г. объем кяхтинской торговли вырос почти в два раза и в начале 1840-х гг. превысил 16 млн руб. [Хохлов, 1982. С. 132]. В этот период изменилась структура российского импорта: значительно возросло количество промышленных товаров собственного производства (в первую очередь сукна) и заметно сократилось количество вывозимой пушнины. Наряду с этим увеличился вывоз через Кяхту китайского чая, ценность которого в составе кяхтинского торгового оборота доходила теперь до 95 % [Краткий очерк, 1896. С. 58].

Особое процветание Кяхты относится к 1850-м гг., когда наряду с меновой торговлей были разрешены и денежные операции, прежде находившиеся под запретом. В 1850—1860-х гг. торговый оборот Кяхты составлял более 30 млн. рублей в год. В 1862 г. здесь насчитывалось 165 торговых лавок, 276 купцов, проживало 5430 человек [Кяхта, 1990. С. 11—12]. Кяхту в это время называли поселком миллионеров и «Песчаной Венецией», декабрист Н. А. Бестужев окрестил ее «Забалуй-городком», о ее благосостоянии красноречиво свидетельствовал утвержденный 22 декабря 1861 г. городской герб. Он представлял собой лазоревый щит с оторванной золотой головой дракона (символом города, ведущего торговлю с Китаем) с красными глазами и языком и в окружении четырех слитков золота. «Каждый русский, проживающий в Кяхте, — свидетельствовал путешественник А. Мичи, — за исключением крестьян, имеет собственный экипаж... Ходить пешком здесь считается неприличным, и лишь больные, которым врачи предписывают моцион, прохаживаются в Кяхте и Троицкосавске» [Мичи, 1868. С. 70].

В 1851 г. в Кяхте было учреждено градоначальство, и кяхтинские власти установили с каждого ввозимого ящика чая в пользу города налог, который назывался акцидентией. Часть этих денег направлялась на расширение и благоустройство: строился собор, проводилось шоссе от торговой слободы до Троицкосавска, содержались музыканты, пожарная команда, певчие и клуб — купеческое собрание, где устраивались пышные балы и банкеты [Кяхта, 1990. С. 20]. О красоте, удобстве и богатстве Кяхты писали многие путешественники. «В Кяхте ревностно занимаются модами, за которыми следят портные и модистки. Посетить кяхтинского купца в охотничьей одежде было бы страшным преступлением. Когда однажды Мичи принял одного кяхтинца рано утром у себя на квартире в туфлях и китайском халате, посетитель пришел в ужас и минуты две не мог произнести ни одного слова. Для удовлетворения своего тщеславия кяхтинцы носят весьма дорогие шубы и пьют английский портер, за который приходится платить по 4 рубля за бутылку» [Мичи, 1868. С. 70—71].

В Кяхте была ключом не только торговая, но и культурная жизнь. В 1830—1840-е гг. здесь вели свою научную работу востоковеды Н. Я. Бичурин, П. Л. Шиллинг, А. В. Игумнов и О. М. Ковалевский, педагоги и писатели В. П. Паршин и Д. П. Давыдов, ботаник Н. С. Устюжанинов, энтомолог Н. Н. Попов, врач и литератор А. И. Орлов. В 1850—1860-е гг. Кяхту-Троицкосавск часто посещали декабристы Н. А. и М. А. Бестужевы.

Кяхтинская торговля продолжала стабильно развиваться до 1860-х гг., хотя уже в начале 1840-х гг. появилась угроза не только дальнейшему ее процветанию, но даже существованию. В 1842 г. между Китаем и Великобританией был заключен Нанкинский договор, приведший к серьезным изменениям во всей китайско-европейской торговле. Помимо уступки Англии Гонконга Китай открыл для международной торговли пять портов: Кантон, Амой, Фучжоу, Нинбо и Шанхай. Расширение торговли Китая с европейскими государствами привело к перемещению центров импорта на юг. В Россию через Англию и Соединенные Штаты, а также контрабандным путем через Одессу начинают ввозить дешевый чай. Российское правительство в этот период предпринимает ряд мер, направленных на поддержание конкурентоспособности Кяхты. В частности, к вывозу были разрешены ранее запрещенные товары (золотые и серебряные изделия, металлические инструменты и др.), а также были введены новые, более гибкие тарифы и пошлины. Указ от 1 августа 1855 г. о новых правилах кяхтинской торговли произвел важные изменения в порядке и условиях ее проведения, разрешив вести торговлю по свободным ценам без всякого ограничения. И хотя в Кяхте по-прежнему преобладал промен товаров, в целом торговля приняла совершенно иной, более свободный и оборотистый характер.

Заключенные Россией с Китаем Айгунский (1858), Тяньцзиньский (1858) и Пекинский (1860) договоры открыли и для нее новые китайские рынки. Русские

купцы стали товары для распродажи внутри Китая отпускать через Ургу, а чай стали покупать в Ханькоу. По отдельному соглашению с Россией китайцы получили право торговать беспошлинно на расстоянии 100 китайских ли (50 верст) от границы. Вследствие этого, а также в связи с объявлением всего Забайкалья по приобретении Амура зоной порто-франко (1861—1909), таможня из Кяхты в 1861 г. была переведена в Иркутск. Китайские купцы стали в этот период широко использовать возможность беспошлинно торговать в Забайкалье.

Окончательное падение кяхтинской торговли началось в 1861 г., когда в Одессе были созданы коммерческие структуры для торговли кантонским чаем, что значительно ускорило и удешевило перевозку чая из Китая в Россию и Европу. Официально доставка чая в Россию морем была разрешена 1 апреля 1862 г. Морская поставка чая носила гораздо более выгодный характер по сравнению с сухопутной: разность расходов по перевозке одного фунта чая составляла 38 коп., и капитал по торговле кантонским чаем находился в обороте не более 5 месяцев, в то время как для кяхтинского чая он составлял от 12 до 14 месяцев. Поэтому торговля через Одессу стала развиваться стремительно: привоз кантонского чая в Россию, начавшийся в 1862 г. с 9,7 млн фунтов, к 1869 г. увеличился более чем в 2 раза и составил 22,9 млн фунтов [Краткий очерк, 1896. С. 77—78].

Все эти обстоятельства привели к значительному уменьшению торговых оборотов Кяхты к началу 1870-х гг. Из 120 китайских фуз, торговавших с русскими в 1862 г., в Кяхте к 1870 г. оставалось лишь восемь [Краткий очерк... 1896. С. 75]. Годом тяжелого перелома в торговле и благосостоянии Кяхты был 1903-й, когда завершилось строительство Китайско-Восточной железной дороги.

В конце XIX—начале XX в. Кяхта сохраняла свое значение как один из крупных культурных центров Сибири. 3 мая 1862 г. вышел первый номер газеты «Кяхтинский листок». Газета выходила до 1862 г. по четвергам на 6—12 страницах тетрадного формата. В 1876 г. здесь было открыто Алексеевское реальное училище, в 1887 г. — публичная библиотека. В 1890 г. по инициативе ссыльных народовольцев И. И. Попо-

ва и Н. А. Чарушина и при горячей поддержке Г. Н. Потанина был создан краеведческий музей. Первым директором музея стал известный краевед П. С. Михно. Большую поддержку в становлении музея — ныне одного из старейших и крупнейших в Забайкалье — оказал В. А. Обручев, чье имя было присвоено музею в 1940 г. В 1894 г. было открыто Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского географического общества, возглавил которое краевед Ю. Д. Талько-Гринцевич. В 1897 г. в Кяхте-Троицкосавске начала печататься небольшая местная газета «Байкал».

В начале XX в. в Кяхте и Троицкосавске существовали многие образовательные и лечебные учреждения: мужское реальное училище, женская гимназия, городское училище, ремесленная школа, три приходских училища, женская бесплатная школа, женская воскресная школа, женский приют, приходское училище в Усть-Кяхте, начальная школа в Кяхте, дом трудолюбия для женщин, богадельня, больница, лечебница для приходящих, приемный покой. Не останавливалась и благотворительная деятельность обществ, функционирующих в городе: Общества попечения о бедных, Общества попечения начального образования, Общества взаимопомощи приказчиков. Видное место среди просветительных учреждений города и Сибири занимала Троицкосавская городская библиотека [Осокин, 1906. С. 25—26].

Кяхта оказалась вовлечена в тяжелые испытания последующих революций и войн. В 1920—1921 гг. здесь находился центр деятельности монгольского государственного и политического деятеля Д. Сухэ-Батора (1893—1923). 1 марта 1921 г. в Кяхте проходил Первый съезд Монгольской народной партии, в мае-июне того же года за Кяхту-Троицкосавск разразилась бои армии барона Унгерна. В том же году трагическая судьба постигла китайский Маймайчен — он был полностью уничтожен пожаром. Панорама большого пожара Маймайчена представлена в музее г. Алтан Булаг (ныне в Монголии), на территории которого ранее располагалась китайская торговая слобода.

В настоящее время Кяхта представляет собой небольшой поселок в Читинской области.

Использованная литература

- Артемьев, 1999: *Артемьев А. Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII в. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1999.
- Вторая Камчатская экспедиция, 2013: Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1737—1738. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Мёллер. СПб.: Нестор-История, 2013.
- Клапрот, 1816: *Клапрот Ю.-Г.* Описание Кяхты (из путешествий Г. Клапрота) // Сын Отечества. 1816. Ч. 41. С. 81—104; Ч. 42. С. 121—135.
- Корсак, 1857: *Корсак А. К.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1857.
- Краткий очерк... 1896: Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту. Издание кяхтинского купечества. М.: Тип.-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и др., 1896.
- Крит, 1862: *Крит Н. К.* Будущность кяхтинской торговли. СПб.: Типография Артиллерийского департамента В. М., 1862.
- Кяхта, 1990: Кяхта. Памятники истории и культуры. Путеводитель / Сост. Е. Е. Попова, А. В. Васильев. М.: ВРИБ «Союзрекламкультура», 1990.
- Мартынов, 1819: *Мартынов А. Е.* Живописное путешествие от Москвы до китайской границы. СПб.: Типография Александра Плюшара, 1819.

- Мичи, 1868: *Мичи А.* Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. С прибавлением статей из путешествий Г. Раде, Р. Мака и др. / Пер. с нем. Н. Ольхина. СПб.; М.: Издание М. О. Вольфа, 1868.
- Осокин, 1906: *Осокин Г. М.* На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906.
- Паллас, 1788: *Паллас П.-С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья, первая половина 1772 и 1773 годов / Пер. Василий Зуев. СПб.: Изд. Имп. АН, 1788.
- Радищев, 1811: *Радищев А. Н.* Письмо о китайском торге 1792 года // Собрание оставшихся сочинений. Т. 6. М.: Типография Платона Бекетова, 1811. С. 65—167.
- Русско-китайские отношения, 1958: Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы / Сост. П. Е. Скачков и В. С. Мясников. М.: Вост. лит., 1958.
- Силин, 1947: *Силин Е. П.* Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Огиз, Иркутское обл. изд-во, 1947.
- Сладковский, 1974: *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, ГРВЛ, 1974.
- Сычевский, 1875: *Сычевский Е. И.* Историческая записка о китайской границе / Сообщает В. Н. Баснин. М.: Общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1875.
- Тимковский, 1824: *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. С картой, чертежами и рисунками. Ч. 2. СПб.: Тип. Мед. департамента Министерства внутренних дел, 1824.
- Трусевич, 1882: *Трусевич Х.* Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М.: Типография Малинского, 1882.
- Хохлов, 1982: *Хохлов А. Н.* Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в.—50-е годы XIX в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 99—147.
- Хохлов, 1989: *Хохлов А. Н.* Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в.—середина XIX в.) // Бурятия XVII—XX вв. Экономика и социально-культурные процессы: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. В. Ким. Новосибирск: Наука, 1989. С. 15—50.
- Эрман, 1832: *Эрман Д.* Отрывки из дневника путешественника по Сибири // Северная пчела. 13 и 14 июня 1832 г.
- Klaproth, 1824: *Klaproth J.* De la frontière russe et chinoise. Notes recueillies pendant un voyage en Sibérie en 1806 // «Mémoires relatifs a l'Asie». Tome 1. Paris: A la librairie orientale de Dondey-Dupré père et fils, 1824. P. 1—80.
- Темоле, 2013: *Темоле 忒莫勒.* Цун люймэншан ды лецзи кань цзиньшан яньцзю цзи Шанькоувэньхуа яньцзю чжун ды пянью 从旅蒙商的劣迹看晋商研究及西口文化研究中的偏谬 [Неточности в исследовании шаньсийских торговцев и культуры Шанькоу. О злодеяниях торговцев в Монголии]. URL: http://blog.163.com/chol-gol1998_tiger/blog/static/135221108201010131068991/ (дата обращения 11.12.2013).
- Хуан Цзянь-хуй, 2002: *Хуан Цзянь-хуй 黄鉴晖.* Мин Цин Шаньси шанжэнь яньцзю 明清山西商人研究 [Исследование шаньсийского купечества периодов Мин и Цин] 太原: 山西經濟出版社, 2002.

I. F. Popova

Trade in Russia and China through the Kyakhta and Maimaychen

The paper overviews the history of Russian-Chinese commerce through border towns Kyakhta and Maimaicheng. Focusing on the non-published archives and valuable printed materials it studies the main stages of rise, evolution and decay of the Kyakta trade, which till the middle of 19 c. made a considerable part of the whole foreign trade of Russia. In the heyday of Kyakhta the value of commodity there reached millions of rubles. Through Kayakhta Russia exported furs, baize, pelts, and imported mainly tea. In Kyakhta «the Tea Road» started and spread over whole Russia and Europe.

Key-words: Russian-Chinese relations, Kyakhta, Maimaicheng, Kyakhta trade.